

Коллектив авторов

«Оранжевая революция».
Украинская версия

«Европа»

Коллектив авторов

«Оранжевая революция». Украинская версия / Коллектив авторов — «Европа»,

В России украинская «оранжевая революция» – предмет расслабленного, благодушного интереса. Но Майдан – это никакая не украинская, а очередная русская революция, еще одна в длинном ряду с 1905 г. Присвоение революциям монополии на историческую справедливость – тяжелое наследство советского времени. Признание права на альтернативу – выход из дурной бесконечности «перманентной революции» от Троцкого до Ющенко. История киевских событий, изложенная от лица их непосредственных участников (в числе которых – и составители сборника), – это урок для России, тот случай, когда можно поучиться на чужих ошибках.

Содержание

Предисловие к российскому изданию	5
От составителя	8
Об авторах	10
«Оранжевая революция»: причины, характер и результаты	12
Причины и характер событий	13
Внешнее влияние	16
Выход из кризиса и его общая оценка	17
Результаты и тенденции послекризисного развития	18
О причинах «оранжевой революции» в Украине	20
А была ли революция?	21
Метаморфозы правящего режима	24
Нелегитимность власти	26
Цивилизационный разлом	29
Возможный выход из кризиса при помощи реформы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

«Оранжевая революция» Украинская версия

Предисловие к российскому изданию

Уже полгода Россия наблюдает у своей страны-соседки обострение, которое с неясным восторгом именуют оранжевой революцией. Но злорадство, с которым русское общество встречает затруднения собственной власти, не скроет того, как расслабленно, с благодушием иностранца Москва следит за чужой революцией. Украинские составители сборника, увы, не могут позволить себе подобного.

* * *

Наименование чего-либо революцией обычно смягчает возражения ей. Большинство авторов сборника извиняются за термин «революция», и тем не менее вынуждены его применять. Одно это – несомненно революционный симптом, ведь революция – это крайний случай политики свершившихся фактов. В конце концов, киевская революция – никакая не украинская и не восточноевропейская. Это хорошо нам памятная русская революция, еще одна в столетней цепи таких же, начиная с первой русской революции 1905 года. Сделанные в СССР среди иных рефлексов имеют такой: с революциями не спорят, ибо они – воля самой истории. «Революция исторически неизбежна» – звучало в ряду формул «Учение непобедимо, потому что оно верно!» и «Партия и правительство постановили, что...» Революционная политика – это право меньшинства диктовать *factum est* в качестве великого всенародного выбора. Но какой факт продиктован украинцами-победителями украинцам-побежденным?

Здесь мы наталкиваемся на мощную мифологию выборов, едва не украденных у народного президента. Оставим в стороне криптофашистский концепт «народного президента», вернемся к выборам. Они – были? В смысле было ли что-то, процедурно смахивающее на выборы, кроме великого народного порыва («народ» для которого подвозили на автобусах и халявных поездах убитого вскоре министра Кирпы)?

* * *

Насколько всем интереснее обсуждать технологию революций в Сербии или Грузии, чем будни раскрепощенных наций! Переходя к послереволюционной современности, собеседник скучнеет: рай победивших демократий – периферия, убожество и гражданское небытие.

В тюрьмах Грузии все так же пытаются, как прежде. Конституцию реформируют, но, разумеется, всегда в пользу полномочий народного президента. Впрочем, граждане перестают ходить даже на «хорошо подготовленные» выборы – в Сербии из-за этого выборы президента срывались дважды... А еще – невероятные, но неопровержимые политические обвинения, завершающиеся подбрасыванием улики... А чего стоят загадочные «самоубийства», где самоубийца по нескольку раз и под разными углами стреляет в себя и еще сам себе ломает пальцы! Или когда страны, как та же Сербия, рассыпаются на части, а второстепенные еврочиновники ненадолго приезжают их мирить – с порцией строгой любви и указаниями что-то еще отдать...

Приняв роды у революции, сам Хавьер Солана редко навещает ее колыбель – дело сделано, *factum est*. Бунтари, свергнувшие «управляемую демократию», получают автократию, управляемую извне.

* * *

Революция – это переворот, претендующий на тотальную миссию и легитимирующий себя этой миссией, пренебрегая возражениями и несогласными. Что такое тотальные выборы? Вам объясняют – это тщательно организованные выборы (*Washington Post*). Организованные – извне, при участии местных активистов.

Технологией тотальных выборов является **массовое вовлечение граждан страны в добровольный демонтаж ее суверенных институтов**. Мотивацию заменяет эйфория временного освобождения – тот или иной «майdan» и «площадь свободы», то есть место, где якобы отменяется сила тяжести и все танцуют. Организация карнавально-досуговой эйфории составляет важную сторону дела, пока обыватель не присоединится к маршам пустых кастрюль и пляскам студенток консерватории – перед войсками, которым не велено шевелиться.

Тайна революций – в бессилии, овладевающим их жертвами перед низвержением в Аид. Фигура Кучмы сохранит трагическое обаяние, несмотря на директорскую матершину, олигархические попойки и поздние метания запертого в Конча-Заспе монарха.

Выборы – пройденная революционная технология. Воля народа, как учит нас президент Буш-мл., должна быть выслушана в любой форме, какую угодно придать народу. Сама же народность есть качество, атрибутируемое в Европарламенте либо Конгрессе.

* * *

Что нового в тотальных выборах? Они порождают власть, которая знает, что уже не уйдет. Народную власть, именем народа США, легитимность которой далее зависит от голосований в Конгрессе, а не в Раде. Такая власть спокойно работает над своим увековечением. Ее нельзя сместить, дабы не вмерла Украина. Ее государственная работа посвящена страховке себя от «предвыборных случайностей», что уже вполне различимо. Революционная власть по чужому шаблону выстраивает внутри себя эрзац-плюрализм – делая реальный плюрализм уже несущественным. Легко заметить, что следующие выборы в Раду будут практически неконкурентными; все конкуренты будут куплены, запуганы и (или) заласканы.

Нам кажется, не может же быть так, так нечестно... но, собственно говоря, почему? Современный Запад уже объявил цель недопущения «иной Европы» – то есть формирования институтов цивилизационной идентичности Востока Европы. Когда главной ставкой является именно десуверенизация Евровостока – включая дискредитацию самой идеи суверенитета – вы встретите холодное, насмешливое, квасьневское игнорирование любых ваших аргументов.

* * *

Революционные технологии дешевле и проще демократических – киллерами которых наняты. Одноразовая имитация выборных процедур с привлечением масс для объявления подлинного результата выпотрашивает этический смысл демократии. Под флагом легитимности упраздняют гражданский суверенитет. Да, это увлекательная политическая игра, но – для удаленного игрока. Тотальные выборы – последний спектакль на родине перед долгими зарубежными гастролями. Как пишут в швейцарской прессе, сербские активисты столь проворны и эффективны, что прочно заняли место на восточном рынке. (Примерно то же говорят о сербах-контрабандистах.) Театр Ги Дебора вдруг закрывается, массовка расходится по домам, уныло оглядываясь в поисках демократии.

Но разве у нас было не так? Победа демократии в России-1991 за год изничтожила многомиллионное низовое освободительное движение – оставив всенародного президента и бизнес-группу лицензионных демократов (числом в сотню литкритиков и эстрадных комиков пополам с информированными прокурорами). Россия обменяла суверенитет свободного общества на революцию именем общечеловеческих ценностей – то есть право меньшинства затыкать остальным рты пошlostями типа «иного не дано» и «красно-коричневый реванш». Страна в итоге революции получила меньше демократии, а не больше. Заодно революция уничтожила и государство, и общество. Кроме того, именно в августе 1991-го, а не в 2004-м Россия потеряла Украину, испугавшуюся – и справедливо – революционных безумств Москвы, оградившись от Ельцина *незалежностью*. Та революция стоила нам и Союза, и Украины.

* * *

Революция есть верный способ потерять там, где не ждал. Она – катастрофическая игра с нулевой суммой, где победитель получает все – включая право на вас и ваше будущее. Мир нормально опасен – подойдя слишком близко к обрыву и запоздав отпрянуть, завещаешь свои игрушки другим. То же в истории. Хунвейбин с цитатником «Поры» – простой хунвейбин, слепое средство разгрома институтов вроде стамески или цитатника председателя Мао. Он легко перехитрит неуклюжего бюрократа – и даст себя облапошить речевками в стиле нас багато, нас не подолаты. Поющий хитрован – легчайшая добыча азиатских вождей. Когда-то хунвейбин постареет, обрюзгнет и образумится – но за вас и вместо вас.

В мире тотальной игры нет правил – и не предусмотрены условия почетного мира для проигравших. Им нужен тотальный выигрыш, следовательно, нам чертовски нужно дать им проиграть. У России богатый опыт не только «успешных», но и успешно предотвращенных революций. Тем ценнее предоставленная нам авторами возможность поучиться на чужих ошибках.

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

От составителя

Украинская «оранжевая революция», вне сомнения, принадлежит к одной из наиболее контрарверсивных тем в современных политических дебатах. Спектр оценок событий, инициированных в конце 2004 года киевским «майданом», чрезвычайно широк. «Демократическая революция, порожденная широким протестным движением», «переворот, организованный западными спецслужбами», «конец имперским амбициям Кремля», «источник поляризации и раскола Украины», «завершение постсоветского периода истории», «приход в Украину демократической трансформации, начатой в странах Восточной Европы 15 лет назад», «продукт борьбы конкурирующих групп хищнического капитала на завершающем этапе приватизации», «самое мощное расширение на Восток свободного рынка», «первая электоральная победа Запада над Востоком Украины», «впечатляющий успех гражданского общества» – эти и другие эмоциональные определения отражают лишь малую толику бытующих в Украине и за ее пределами взглядов по поводу потрясших нашу страну событий. Конечно, основательный и детальный анализ «оранжевой революции» будет возможен лишь по прошествии нескольких лет, когда страсти улягутся и можно будет подвести первые итоги правления новых руководителей Украины. Но уже сегодня представляется возможным сформулировать некоторые предварительные выводы относительно причин, движущих сил, общего характера, а также политических, экономических и геостратегических последствий происшедших событий.

Именно этой целью и задались авторы предлагаемого вниманию читателя сборника – политологи и общественные деятели из Украины, России и Германии. Среди них есть как горячие сторонники «оранжевой революции», так и ее явные оппоненты, а также исследователи, стремящиеся по возможности остаться «над схваткой» и занять «нейтрально-объективистскую» позицию. Такой авторский состав отражает общую концепцию издания – представить точки зрения политологов из разных стран, которые придерживаются порою противоположных и взаимно исключающих версий в объяснении феномена украинских политических трансформаций.

Должен особенно подчеркнуть, что каждая публикация представляет собою сугубо личную точку зрения. Авторы сборника имеют различные политические взгляды и пристрастия, отстаивают зачастую несовпадающие интересы, исходят из разных систем идеологических ценностей. Далеко не со всеми выводами своих украинских, российских и западных коллег согласен и я лично. В частности, речь идет о ряде высказываний Константина Затулина, Андраника Миграняна и Петра Шульце.

Всем участникам сборника в качестве ориентира было предложено ответить на следующие вопросы:

- 1) в чем причины политического кризиса в Украине и где нужно искать поводы для массовых выступлений;
- 2) каковы основные побудительные мотивы участников массовых акций;
- 3) в чем цели и методы действия организаторов «оранжевой революции»;
- 4) легитимны ли действия сторон, участвующих в конфликте;
- 5) насколько велико влияние внешних факторов на украинские события;
- 6) является ли «оранжевая революция» политической революцией в классическом понимании этого слова? В чем сходство «оранжевой революции» с «бархатными революциями» в Праге, Белграде, Тбилиси и перестроечной Москве и в чем ее отличие от них;
- 7) можно ли подвести предварительные итоги «оранжевой революции» и каковы возможные последствия для Украины и стран бывшего СССР.

В качестве приложения к сборнику приводятся результаты президентских выборов 2004 года (в том числе в региональном разрезе); документы эпохи «оранжевой револю-

ции» (решения Центральной избирательной комиссии, Верховного суда, Верховной рады Украины, декреты Комитета национального спасения, договоренности «круглых столов» с участием международных посредников, коммюнике съездов представительских органов власти разных уровней, постановления местных органов власти, заявления и выступления кандидатов в президенты, заключения наблюдателей за выборами, отрывки из стенограмм ряда заседаний парламента); хроника наиболее важных событий, а также таблица, дающая наглядное представление о динамике спада и роста ВВП Украины за годы независимости. Приложения подготовлены экспертами Киевского центра политических исследований и конфликтологии Алексеем Толпыго и Алексеем Поповым.

Надеюсь, что это издание будет представлять интерес для всех, кто интересуется политическими процессами в современной Украине.

Михаил ПОГРЕБИНСКИЙ

Об авторах

Александр ЛИТВИНЕНКО – первый заместитель директора Национального института стратегических исследований, доктор политических наук, автор многих публикаций по анализу политической ситуации в Украине и на постсоветском пространстве, а также работ, посвященных исследованию «информационных операций» и информационных аспектов политической безопасности; преподавательская деятельность – Институт международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Владимир МАЛИНКОВИЧ – директор Украинского отделения Международного института гуманитарно-политических исследований, кандидат медицинских наук, доктор медицины, украинский политолог и общественный деятель, видный представитель правозащитного движения. Был членом Украинской Хельсинкской группы, старшим редактором программ русской редакции «Радио Свобода», редактировал в эмиграции журнал «Форум» (издательство «Сучасність»), являлся главой Комиссии по содействию демократизации и развитию гражданского общества при президенте Украины.

Сергей МАРКОВ – директор Института политических исследований (Москва), исполнительный директор Ассоциации центров политического консультирования, главный редактор иностранной редакции интернет-издания «Страна. Ру», доцент философского факультета Московского государственного университета имени Михаила Ломоносова, кандидат политических наук. Преподавательская практика – курс политологии в Московском институте радиоэлектроники и автоматики и Московском институте социальных и политических наук; стажировка – Университет Висконсин, Мэдисон. Сотрудничал с Московским центром Карнеги, являлся консультантом Совета Безопасности при Президенте Российской Федерации.

Андраник МИГРАНЯН – российский политолог, вице-президент Международного фонда «Реформа», профессор Московского государственного института международных отношений, кандидат исторических наук. Академическая деятельность – Институт мировой экономики и международных отношений и Институт международных экономических и политических исследований Российской академии наук; читал лекции в Университете Сан-Диего; являлся членом Президентского совета, главным советником Комитета по международным отношениям Верховного Совета Российской Федерации и главным экспертом Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Автор многих работ в области сравнительной политологии, истории политических учений, теории международных отношений.

Аркадий МОШЕС – руководитель программы «Россия и ЕС» Финского института международных отношений, до недавнего времени – заведующий сектором безопасности региона Балтийского моря Института Европы Российской академии наук. Доктор исторических наук; многие его работы посвящены украинско-российским отношениям.

Вячеслав НИКОНОВ – президент Фонда «Политика» (Москва), российский политолог, доктор исторических наук. Был помощником руководителя аппарата президента СССР, председателем подкомитета по международной безопасности и контролю над вооружением Комитета по международным делам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Преподавал в Калифорнийском технологическом институте. Является автором ряда книг, касающихся исследования Республиканской партии США и политических процессов в современной России.

Михаил ПОГРЕБИНСКИЙ – директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии, украинский политолог, менеджер и советник ряда избирательных кампаний, возглавлял Центр рыночных реформ, являлся помощником заместителя председателя Верховной рады, советником премьер-министра и администрации президента Украины. Автор

многочисленных публикаций, касающихся вопросов анализа текущей политической ситуации, реформы политической системы, становления институтов гражданского общества, российско-украинских отношений, технологии проведения избирательных кампаний.

Алексей ПОПОВ – эксперт Киевского центра политических исследований и конфликтологии, политолог, журналист и переводчик, основная специализация – избирательные системы, этнические проблемы. Входил в число создателей «Интерфакс-Украина», работал редактором этого агентства, сотрудником телекомпании АТН (Харьков); автор многих статей, посвященных политическому анализу, в различных изданиях Украины и России («Понедельник», «ForUm», «Независимая газета», «Газета СНГ. Ru»).

Александр РАР – руководитель Рабочей секции при Фонде Кербера по России и странам СНГ Научно-исследовательского института Германского общества внешней политики, политолог и историк, один из ведущих немецких экспертов в области политических процессов на постсоветском пространстве, автор многих работ на эту тему.

Максим СТРИХА – украинский писатель, переводчик, общественный и политический деятель, доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией методологических проблем культурной политики Украинского центра культурных исследований. Являлся членом президиума Центральной рады Украинской республиканской партии «Собор».

Алексей ТОЛПЫГО – эксперт Киевского центра политических исследований и конфликтологии, кандидат физико-математических наук; преподавательская практика – Обнинский филиал Московского инженерно-физического института и Киевский политехнический институт, автор многих книг и статей в области политических наук и математики.

Владимир ФЕСЕНКО – украинский политолог, председатель правления Центра прикладных политических исследований «Пента», кандидат философских наук. Преподавал в Харьковском национальном университете им. В. Каразина (социологический факультет) и Украинской инженерно-педагогической академии, стажировался в Институте Гарримана (Колумбийский университет) и Университете Квинз (Канада).

Антон ФИНЬКО – эксперт Киевского центра политических исследований и конфликтологии, окончил Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко по специальности «политология». Работал в Национальном институте проблем международной безопасности; автор ряда публикаций в области истории политической мысли, этики, анализа экстремистских идейных течений.

Лилия ШЕВЦОВА – ведущий исследователь Московского центра Карнеги, доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений, известный специалист в области анализа функций политических институтов и российской внутренней политики. Являлась заместителем директора Института международных экономических и политических отношений Российской академии наук, исследователем Международного исследовательского центра Вудро Вильсона, преподавала в Университете Беркли.

Доктор Петер В. ШУЛЬЦЕ – профессор Центра европейских и североамериканских исследований Университета Георга Августа (Геттинген), много лет отдал работе в Фонде Фридриха Эберта. Является автором многочисленных работ, посвященных анализу политической ситуации на постсоветском пространстве.

«Оранжевая революция»: причины, характер и результаты

Александр ЛИТВИНЕНКО,

первый заместитель директора Национального института стратегических исследований, доктор политических наук

Значение событий 22 ноября – 8 декабря 2004 года для будущего не только Украины, но Восточной Европы в целом трудно переоценить, хотя их последствия станут в полной мере очевидны лишь несколько позднее, вероятно, где-то через два-три года. Однако уже сейчас киевский Майдан – основная публичная сцена и символ событий – стал предметом пристального внимания, оживленного обсуждения как политиками, журналистами, так и экспертами, причем не только в Украине, но и за ее рубежом.

Особенностью нынешнего этапа этой дискуссии является ее чрезвычайно высокий накал, широкое использование эмоционально окрашенных терминов, например таких, как «революция» или «заговор иностранных спецслужб». Представляется, что ноябрьско-декабрьские события в Украине не были в полной мере ни тем и ни другим.

Причины и характер событий

Анализируя «оранжевую революцию», сегодня с достаточно большой долей уверенности можно говорить о ее семи основных характерных чертах.

Во-первых, протестные выступления в Киеве и других городах Украины представляли собой широкое социальное движение, направленное на защиту гражданских прав. Безусловно, в их организации присутствовали довольно существенные технологические элементы. Однако ключевым фактором этих выступлений стал высочайший уровень политической активности граждан – принципиально новый феномен современной украинской истории. При этом необходимо подчеркнуть, что такая активность была направлена в первую очередь не на поддержку конкретного кандидата, а на защиту права выбора как важнейшей общественной ценности.

Поводом для массового протеста стали зафиксированные в общественном сознании массовые фальсификации народного волеизъявления во время второго тура выборов президента Украины 21 ноября 2004 года. При этом с политической точки зрения утратил свою актуальность и значимость вопрос «где, как и кем в реальности попирались права избирателей». Общественным фактом, конвенциональной (договорной) истиной стало широкое признание гражданами (и практически всеобщее – элитами) того, что подобные фальсификации осуществлялись прежде всего властью в восточных и южных регионах Украины.

Важнейшим фактором для массового движения стала сформированная за последний год в общественном сознании угроза так называемого прихода «донецких» – политико-экономической группы, с которой стойко ассоциировался Виктор Янукович. Летом и осенью 2004 года широчайшее распространение в среде мелкого и среднего бизнеса получили рассказы о насильственном переоформлении прав собственности на конкретные предприятия с их владельцев на представителей донецкой политико-экономической группы. В сочетании с установившимся образом «агрессивных донецких», а также с известными фактами биографии тогдашнего премьер-министра Украины Виктора Януковича такие слухи создали в широких и, что наиболее важно, активных общественных кругах стойкое неприятие президентских перспектив Януковича. Его победа стала связываться даже не с продолжением политического и экономического курса Леонида Кучмы, который во многом ассоциировался с нерешенными за десять лет проблемами Украины, а с открытым наступлением на права и свободы граждан, возможности свободного развития Украины.

Во-вторых, ноябрьско-декабрьские события были преимущественно городским движением, которое по своим существенным характеристикам близко к муниципальным, городским восстаниям в европейских городах в Новое время. Достаточно интересные параллели с «оранжевым» движением можно найти в классической «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли.

Лидирующей социальной группой в движении стал средний класс, мелкая и средняя буржуазия, интеллектуалы, преимущественно 1960 – 1970-х годов рождения. Особая роль в протестном движении принадлежала тем, кто работает с информацией: журналисты, рекламщики и программисты стали его важнейшей движущей силой. Именно неполная контролируемость как правящим режимом, так и политической оппозицией систем общественной коммуникации, и прежде всего информационной сети Интернет, предопределила активность населения, а также размах протестных акций. Важнейшим результатом событий стала проявленная широкая социальная солидарность, опирающаяся на высокое «классовое сознание» соответствующих слоев. Движение было также поддержано и некоторыми другими социально близкими группами, в том числе существенной частью бюрократии и, в первую очередь, сотрудниками правоохранительных органов, спецслужб и армии.

В-третьих, в целом довольно ограниченное буржуазно-демократическое движение за гражданские права сдетонировало с архетипами массового сознания. Основным лозунгом

Майдана была борьба за Правду и Справедливость – главные политические понятия в странах поствизантийского ареала. Именно за Правду, за восстановление поправленной Справедливости выступали не только в Киеве, но и в Белграде, Софии и Тбилиси. И непринципиально, насколько реальным было такое поправление или представление о нем было сформировано с помощью современных коммуникативных технологий. Существенно важнее, что в постсоциалистических странах Справедливость, в первую очередь социальная, нарушалась и нарушается повсеместно. Достаточно отметить, что доходы 10 % самого обеспеченного населения превышают доходы 10 % наименее обеспеченных более чем в 30 раз.

Удивительную даже на фоне других событий второй половины 1990 – 2000-х годов бескровность и толерантность украинских событий следует отнести, кроме особенностей украинского общества и его поведенческой культуры, на счет существенно более тесной близости различных фракций украинского истеблишмента, как правящих, так и волею судеб оказавшихся в оппозиции, а также на счет личных качеств их лидеров.

Следует отметить, что на протяжении 1997–2004 годов состоялся ряд успешных и не совсем революций в странах Восточной и Южной Европы, которые существенно отличались от предыдущей волны «бархатных революций» в странах Центрально-Восточной Европы. Различные по размерам, геополитическому положению, исторической судьбе и политическим системам, эти страны объединяет только одно – доминирующая православная (и близкая к ней армянская) традиция и в целом принадлежность к так называемому поствизантийскому культурному кругу.

Почти единые по задачам, движущим силам и сценариям такие события состоялись одновременно в историческом измерении исключительно в поствизантийских странах, но пока что не во всех. Не во всех, например в Белоруссии, они были успешны. Однако этой судьбы до сих пор избежали Греция, Македония, Румыния, Турция и Российская Федерация. И если первые четыре страны уже давно встроены в новую Европу, а именно это в конечном счете и является основной целью судьбоносных «политических карнавалов», то в отношении России вопрос до сих пор остается открытым.

В-четвертых, противоречие между уровнем развития общества и политической системой стало основной причиной кризиса. Важнейшей характеристикой событий был высочайший уровень самоуправления, который характеризовал протесты. Вообще, украинское общество во время «оранжевых» протестов продемонстрировало значительно более высокий уровень как политической, так и общей культуры, нежели основные политические силы.

В то же время существенной особенностью президентской кампании с точки зрения «оранжевых» событий стало то, что разворачивание этой кампании происходило в двух различных плоскостях. Если в информационно-коммуникативной сфере на Виктора Януковича работала прежде всего медийная и наглядная агитация плюс массовые официозные мероприятия, то Виктор Ющенко, по крайней мере до своей болезни, выступал на митингах в регионах, а его команда была очень активна на уровне продуцирования слухов, анекдотов. Такая особенность кампании Ющенко принципиально упростила задачу мобилизации его сторонников на протестные мероприятия.

В-пятых, существенную роль в киевских, и еще более – в западноукраинских событиях сыграл фактор национально-освободительного движения. В восприятии многих украинцев из западных и центральных областей Ющенко стал выразителем национальных чаяний – особенно в контрасте с поданным в качестве пророссийского кандидата Януковичем. Активная поддержка «оранжевых» политиков на Западе Украины связывалась с надеждой на ускоренное решение задач дальнейшей эмансипации от России и приобретение Украиной центрально-восточноевропейского качества. Сюда же следует отнести и наличествовавший религиозно-конфессиный элемент. В силу политической логики, а еще более – достаточно жесткой публичной поддержки Януковича отдельными представителями Украинской право-

славной церкви Московского патриархата «оранжевое» движение нашло дружественно-позитивное отношение со стороны представителей иных конфессий, в первую очередь УПЦ Киевского патриархата и Украинской греко-католической церкви.

Впрочем, несмотря на то, что в рядах «Нашей Украины» немало политиков с ярко выраженным националистическим или радикалистским имиджем, весьма сомнительно, что Ющенко и возглавляемая им политическая сила захочет и тем более сможет обеспечить выдвижение и, главное, реализацию программы украинского этнического национализма. Намного вероятнее постепенное, безусловно, довольно медленное и небесконфликтное формирование новой украинской идентичности на основе общегражданских ценностей.

В-шестых, важным фактором в возникновении и существовании Майдана стало молодежное движение, студенческий бунт, в котором достаточно явно ощутим привкус парижских событий 1968 года. Во время протестного митинга практически непрерывно шел концерт известных украинских рок-групп, также можно отметить существенные элементы карнавальной культуры. Активное участие популярных рок-певцов и других представителей молодежной контркультуры в избирательной кампании Ющенко и затем в протестах еще более подчеркивает парадокс – превращение «лучшего банкира в мире в 1997 году» в символ чаяний принципиально антибуржуазно настроенных граждан Украины.

В-седьмых, безусловно, в осуществлении массовых протестов сыграла весомую роль технологическая составляющая. В частности, к ней следует отнести протестные организации типа «Поры» и т. д. Организация 18-дневного митинга, приезд в Киев десятков тысяч протестантов, преимущественно из Западной и Центральной Украины, порядок в палаточном городке и многое другое не могло быть осуществлено без наличия технологического ядра. Однако без стихийной составляющей масштаб акций, по экспертным оценкам, не превысил бы 40–70 тысяч протестующих, а формат воспроизводил бы события акции «Украина без Кучмы!» (зима 2001 года) или оппозиционной акции «Восстань, Украина!» (сентябрь 2002 года), которые не привели к существенным политическим последствиям.

Внешнее влияние

Важнейшей проблемой при анализе «оранжевых» событий 2004 года остается проблема массированного внешнего вмешательства во внутренние дела Украины. При этом можно говорить о четырех основных игроках: США, Российской Федерации, ЕС, а также как об отдельном игроке – странах «новой Европы», в первую очередь Польше и Литве.

Принципиальное отличие между влиянием Запада и России состоит в различных механизмах и формах. США и страны Европы имели достаточно артикулированную позицию относительно Украины. Во-первых, ими уже более десяти лет осуществлялись целенаправленные кампании по формированию прозападной украинской элиты, в частности в среде экспертов и журналистов, что в результате оказалось весьма эффективным. Во-вторых, официальный Вашингтон и Брюссель заняли чрезвычайно выигрышную позицию обеспечения прозрачности и демократичности процедуры выборов. В-третьих, в кризисной ситуации США, ЕС, Польша и Литва сумели стать активными посредниками в переговорах и обеспечить адекватное информационное, дипломатическое и специальное сопровождение своих действий. Официальному Западу удалось достаточно успешно обеспечить реализацию своих интересов, в целом сохранив при этом имидж невмешательства. Таким образом, прозападные силы в Украине получили существенное подкрепление своих позиций.

Важнейшим результатом событий стала фиксация новой роли Европейского союза как активного игрока на постсоветском пространстве. Польша, Литва и «брюссельские бюрократы», известные своей верностью евроатлантическим идеалам, значительно повысили свое влияние в Украине, создав определенные предпосылки для расширения «новой Европы» и обретения ею определенной субъектности.

В то же время украинская политика России характеризовалась неаккуратностью, отсутствием сколько-нибудь долговременного планирования, импульсивностью и ставкой на весьма сомнительные политические технологии. Резко активизировавшись на украинском направлении только в последние месяцы перед выборами, Россия не смогла выработать собственную позицию, обеспечивающую эффективную реализацию ее национальных интересов при уважении выбора украинского общества. Фактически возможности РФ были использованы в качестве ресурса командой Януковича. В частности, иначе как немаловажную ошибку нельзя оценить практически явное участие Владимира Путина в агитационных мероприятиях в пользу Виктора Януковича.

Принципиально повысив ставки в игре, Кремль превратил победу Ющенко в свое существенное геополитическое поражение. Существенно подорван положительный имидж современной России и лично Путина, еще недавно самого популярного политика в Украине. Поддержка и, более того, инспирирование восточнукраинского автономизма и сепаратизма со стороны отдельных российских журналистов, экспертов и даже политиков создает чрезвычайно негативный психологический климат в межгосударственных отношениях. Тем самым принципиально облегчена консолидация антироссийских сил в украинской политике и стимулировано проведение четко антикремлевского курса во внешней политике Украины.

Выход из кризиса и его общая оценка

Основные политические силы, в том числе инициировавшие протестное движение, достаточно быстро, где-то к 26–27 ноября, были напуганы его размахом и начали прилагать усилия, направленные на минимизирование результатов ноябрьских протестов, а также на постепенное ослабление социальной активности. В силу этого купирование глубокого кризиса было осуществлено через сложные политические решения Верховной рады – парламента Украины – и (с их учетом) политико-правовые решения Верховного суда. Решение высшей судебной инстанции 3 декабря 2004 года вступает в определенную коллизию с буквой закона, однако оно было принято в рамках действующей Конституции 1996 года и общего духа украинского законодательства. В целом его можно оценить как открывшее путь к урегулированию политической ситуации без выхода за пределы правового поля. Тем более что на момент принятия решения Верховным судом существовали весьма серьезные признаки возможной дальнейшей эскалации ситуации, перехода к принципиально неправовым, даже насильственным методам разрешения политических проблем. Решение Верховного суда было окончательно оформлено соответствующими законодательными актами Верховной рады и решением Конституционного суда, обеспечившими достаточную легальность и легитимность «третьего тура» выборов.

В силу вышеизложенного в целом «оранжевые» протесты ноября – декабря 2004 года можно характеризовать как мощнейшее протестное движение, обеспечившее защиту избирательных прав граждан и победу одной из фракций украинского истеблишмента. Одновременно эти события не привели и не могли привести к коренной ломке социально-политического строя и поэтому вряд ли могут сегодня оцениваться как революция. Однако Майдан привел к изменению многих тенденций общественно-политического процесса не только в Украине, но и во всей Восточной Европе. Размер и характер этих изменений, которые проявятся уже в ближайшие несколько лет, и дадут возможность реально оценить масштабы «оранжевого» движения.

Результаты и тенденции послекризисного развития

Среди основных результатов посленоябрьского развития следует выделить в первую очередь такие.

Во-первых, Украина вступила в период формирования нового политического режима, кристаллизации его основных характеристик, который продлится как минимум до середины 2006 года, когда после парламентских выборов марта 2006 года сформируется новая конфигурация и баланс политических сил. Основными особенностями этого периода, вероятно, будут половинчатость и противоречивость. Причем последствия «оранжевых» протестов для протекания и направления этого процесса будут иметь скорее психологический, нежели практический политический характер.

Во-вторых, не стоит переоценивать значение конституционных изменений 8 декабря 2004 года. Их следует рассматривать скорее как символ готовности основных политических акторов к компромиссу, нежели как сам компромисс и соглашение о законодательных рамках политического процесса. Известно, что фактическая конституция часто существенно отличается от конституции формальной, поэтому принятое Верховной радой Украины ограничение полномочий президента в пользу правительства и парламента обозначает не конечный результат, а только направление развития политического и государственного режима.

В-третьих, важнейшим результатом кризиса стало резкое расширение сферы публичности. В этой сфере произошел настоящий прорыв – Украина увидела, как много интересных и умных людей есть как в столице, так и в регионах. Разблокирование официальных СМИ, если оно не станет кратковременным эпизодом, уже в ближайшем будущем должно катализировать развитие гражданского общества, создать новые рычаги общественного давления на элиты и государство.

Одновременно в сферу общественной дискуссии попали важнейшие вопросы развития Украины, ранее замалчиваемые из достаточно обоснованных опасений за гражданский мир и спокойствие. Речь идет, в частности, о проблемах новой украинской идентичности, культурно-языковых противоречиях, региональных различиях, проблемах местного самоуправления и устройства страны.

В-четвертых, возникает уникальный шанс для дальнейшей культурной консолидации Украины. Именно сейчас следует проработать и уже в ближайшее время осуществить комплекс мер по целенаправленному формированию новой украинской идентичности, которая бы интегрировала и сняла до сих пор чувствительные проблемы региональных различий: языковые, религиозные и т. п. В условиях активизации сепаратистских проявлений, которые могут составить серьезнейшую угрозу национальной безопасности Украины, эта проблема приобретает особое значение.

В-пятых, «оранжевые» протесты засвидетельствовали формирование в Украине мощных городских социальных слоев. Именно их политическая активизация создает определенные возможности и перспективы для дальнейшего развития Украины в европейском направлении.

В-шестых, ныне в Украине существует реальная возможность воздействовать на содержание будущей политики, сформировав новую политическую и социальную повестку дня. Уникальность ситуации в том, что, присутствуя при рождении нации, можно повлиять на все ее будущее развитие. И в этом высший интерес и ценность ситуации для интеллектуалов.

В-седьмых, существенным образом изменилось политико-психологическое измерение международной ситуации, в которой находится Украина. С одной стороны, активность граждан принципиально улучшила имидж Украины в Европе и США, создала определенные позитивные предпосылки для активизации и успешного развития отношений с Западом, и в первую

очередь с США и непосредственными западными соседями Украины – странами «новой Европы».

С другой стороны, украинско-российские отношения уже в ближайшее время вступят в период определенного охлаждения. Среди причин этого – восприятие Кремлем и значительной частью российского экспертного сообщества украинских событий как катастрофического поражения РФ в ее глобальной игре с США, а также в немалой степени – опасения относительно экспорта идей «оранжевой революции». В этой ситуации Украина должна разработать и проводить предельно взвешенную внешнюю политику, особенно на российском направлении. Тем более что есть достаточно много оснований прогнозировать, что декабрь 2004 года подведет черту под существованием постсоветского пространства как особого геополитического региона, гегемонию и безусловное доминирование в котором осуществляла Москва.

О причинах «оранжевой революции» в Украине

Владимир МАЛИНКОВИЧ,

директор Украинского отделения Международного института гуманитарно-политических исследований

В последние месяцы прошлого года мир наконец-то познакомился с Украиной. Не со страшным Чернобылем, расположенным где-то в украинской части российской, то бишь советской империи, не с украинскими звездами вроде Андрея Шевченко, братьев Кличко и победительницы «Евровидения-2004» Русланы Лыжичко, а с сотнями тысяч украинских оппозиционеров, до отказа заполнивших центральную площадь Киева – Майдан Незалежности и прилегающие улицы. В течение почти двух месяцев миллионы телезрителей в разных странах мира ежедневно видели их восторженные лица в обрамлении оранжевых знамен, флажков и воздушных шариков. И слышали их бесконечное скандирование «Ю-щен-ко!», «Ю-щен-ко!», их тысячеголосые призывы скинуть всем надоевшую, насквозь прогнившую, коррумпированную власть Леонида Кучмы и Виктора Януковича. Даже нелепая барочно-рококошная колонна в центре Майдана вдруг превратилась во что-то изящное и легкое. Такой пьяняще легкой, воздушной, бесконфликтно-мягкой, празднично-карнавальной казалась постороннему наблюдателю самая «бархатная» из всех известных миру «бархатных революций» – «оранжевая революция» в Украине.

Но чудес не бывает. Миром управляют объективные закономерности, если, конечно, этот мир сам является объективной реальностью.

А была ли революция?

С точки зрения марксистской теории, которую нам долго и упорно прививали, социальная или политическая революция – это коренной переворот всей жизни общества, насильственное низвержение старого и утверждение нового социально-экономического строя. Нечто подобное понимают под политической революцией и либеральные социологи. Ссылаясь на них, «Британская энциклопедия» определяет революцию в политике как стремительное и фундаментальное изменение всего порядка управления государством, обычно сопровождаемое насилием, результатом чего, как правило, бывают необратимые перемены в экономической системе, социальных структурах и культурных ценностях.

В том, что касается революционного насилия, оба этих определения, надеюсь, устарели. Поражение коммунизма в государствах Восточной Европы и СССР – процесс, несомненно, революционный, но в большинстве этих стран он прошел без массового использования насилия. Без крови современные революции, пожалуй, могут и обойтись, но вот **без фундаментальных – то есть системных – изменений всего политического и социального строя революций**, думаю, не бывает. События, которые последовали за горбачевской «перестройкой» в республиках СССР и «бархатными революциями» в Чехословакии, ГДР, Венгрии, Польше и даже в Белграде, были бескровными, но, безусловно, революционными, т. к. до самых корней перетрясли всю систему политической, социально-экономической и культурной жизни общества.

Совсем не то в Украине (и, кстати, в Грузии Михаила Саакашвили). **Организаторы «оранжевой революции», включая самого Виктора Ющенко, вовсе не хотели системных перемен.** Именно правая оппозиция («Наша Украина» и Блок Юлии Тимошенко – БЮТ) активно сопротивлялась принятию закона о конституционных изменениях, который должен был обеспечить трансформацию президентской республики в парламентско-президентскую. Сначала они объясняли свою позицию тем, что политическая реформа нужна только президенту Кучме, стремящемуся сохранить свою власть. Год назад эти опасения были в какой-то мере обоснованы, но, вернувшись после лечения из Баден-Бадена, Кучма фактически устранился от всякой борьбы за реформу. Тогда оппозиция сменила пластинку: реформа, мол, непоследовательная, не касается местного самоуправления. Вот если бы голосовался не проект «парламентского большинства» (№ 4180), а совместный проект правой и левой оппозиции (№ 3702-1), «Наша Украина» и БЮТ его могли бы поддержать. Не успел Ющенко произнести эти слова с парламентской трибуны, как Кучма согласился вынести на голосование первым именно этот – хороший – проект, предусматривающий и реформу местного самоуправления. За этот проект проголосовали даже самые последовательные сторонники Кучмы – эсдеки. А вот правые оппозиционеры – «Наша Украина» и БЮТ – свой собственный законопроект не поддержали! Как не поддержали они и проголосованный ранее закон о пропорциональной избирательной системе, который также готовился с их участием. Причина? По-моему, она очевидна. Кандидат в президенты Виктор Ющенко в случае своей победы ни с кем не желал делить руководство исполнительной властью. Лишь в промежутке между вторым и третьим турами президентских выборов часть «оранжевых» согласилась проголосовать за конституционную реформу, но только в «пакете» с нужным им избирательным законом. Очень уж хотелось им победить, а для этого необходимо было законодательно ограничить голосование на дому и по открепительным талонам, а также сформировать нужным образом избирательные комиссии на местах. Да и соглашение со своим «левым» союзником Александром Морозом они вынуждены были соблюдать (без него не победили бы), а социалисты – самые радикальные сторонники реформы. Надо сказать, что и «пакет» поддержали далеко не все правые оппозиционеры. Не голосовали сторонники Юлии Тимошенко и... сам Ющенко!

Если организаторы «оранжевой революции» не хотели системных изменений, то какой же в таком случае была их цель? Ответа на этот вопрос они не скрывают: цель лидеров правой оппозиции – смена политической элиты. Вряд ли такую цель можно считать революционной, но подавалась она читателям, зрителям, участникам акций протеста на Майдане как радикальная, поскольку людям обещали полное обновление власти, приход новых, честных, некоррумпированных политиков, готовых служить интересам общества. И здесь лукавство. Среди тех, кто стоял на оранжевой трибуне в центре Киева, людей, входивших в высшие эшелоны власти при Кучме, было никак не меньше, чем в окружении Януковича. Два бывших премьер-министра, два спикера, несколько вице-премьеров и вице-спикеров, очень много бывших министров и глав важнейших госкомитетов, представитель Кучмы в парламенте и др. Да и крупных бизнесменов (читай – олигархов) совсем немало: Юлия Тимошенко, Петр Порошенко, Давид Жвания, Евгений Червоненко, Леонид Черновецкий etc. Ближе к финалу к ним присоединились образцово-показательный нувориш Александр Волков и напрямую связанный с КГБ – СБУ Андрей Деркач, долгое время олицетворявшие обругиваемый оппозицией режим Кучмы и «крутой» бизнес; теперь же всю «оранжевую» экс-номенклатуру и не сосчитать. Почти все – вчерашняя, потерявшая власть номенклатура да оттесненные на периферию более мощными конкурентами «лидеры бизнеса». Учитывая эти обстоятельства, реальную, а не декларируемую **цель организаторов «оранжевой революции» можно определить одним словом – реванш.**

Такой была основная цель организаторов «оранжевой акции», но совсем не этого хотела основная масса ее участников. Свою позицию **протестанты, поддерживающие Ющенко**, адекватно представить не смогли, потому что **они были не столько самостоятельным субъектом, сколько управляемым «реваншистами» объектом политического действия.** Внешне требования сотен тысяч протестантов сводились к желанию сбросить злых властителей – Кучму, Медведчука, Януковича и посадить в президентское кресло «доброго царя» Ющенко, которому поможет расчистить от грязи «авгиевы конюшни» власти «народная заступница» Юлия Тимошенко (таковой ее считали наиболее радикальные участники акций протеста, но далеко не все). Однако основываясь только на этих требованиях, вряд ли можно объяснить причины, побудившие сторонников Ющенко выйти на улицы.

Пусть не было революции, но политический кризис все же был (и есть) – в этом, думаю, никто не сомневается. Об этом кризисе под условным названием «оранжевая революция» и пойдет речь дальше. Почему все-таки этот кризис разразился во времена, для страны относительно благополучные? В течение пяти последних лет производство ВВП в Украине постоянно росло, причем рекордными темпами. И товарооборот рос, и даже уровень жизни большинства украинских граждан повышался, хотя и не так быстро, как хотелось бы. Главное, что люди это ощущали. По данным социологов, средний балл оценки опрошенными гражданами экономической ситуации за последние пять лет увеличился вдвое. Число лиц, считающих эту ситуацию очень плохой, напротив, уменьшилось – с 40,7 до 18,3 %. ¹ Людей, неудовлетворенных своим социальным положением, в 2004 году по-прежнему много, но все же на 20 % меньше, чем пять лет назад. А число довольных своим статусом за это же время выросло с 8 до 15,4 %, то есть опять-таки почти вдвое. ² Наметила тенденция к увеличению позитивных оценок того, что касается гарантий занятости, личной безопасности, материальных условий семейной жизни, медицинского обслуживания и условий отдыха. ³ Замечают все это люди и тем не менее протестуют. Почему?

¹ См.: Українське суспільство 1994–2004: соціологічний моніторинг. К.: Інститут соціології НАНУ, 2004, с. 10

² См.: там же, с. 24

³ См.: Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін. К.: Інститут соціології НАНУ, 2004, с. 43

Чтобы понять суть массового недовольства в стране, находящейся в состоянии экономического подъема, – ту самую суть, которая, как правило, ускользает из сознания самих недовольных, – попробуем определить характер правящего в Украине режима.

Метаморфозы правящего режима

Революция 1990–1991 годов (действительно революция, поскольку привела к созданию независимого государства и коренным образом изменила весь уклад жизни в стране) до сих пор не завершена. Независимость страна получила за счет компромисса между националистами и национал-демократами с одной стороны и напуганной августовскими событиями в Москве украинской компартийной номенклатурой – с другой. Политическая демократизация была проведена в значительной мере формально. Большая часть исполнительной власти оказалась сосредоточенной в руках одного человека – президента.

Он возглавил единую вертикаль административной власти – «от Москвы до самых до окраин», то есть от президентского кабинета на улице Банковой в Киеве до самого маленького села.

Располагая широкими политическими полномочиями, украинский президент в то же самое время не имел тех финансовых и экономических возможностей, что были у главы административной власти в советский период, поскольку государство больше не обладало монополией в экономике. Чтобы справиться с острейшим экономическим кризисом, поразившим Украину в 90-е годы, ему объективно необходима была помощь тех, кто успел сколотить значительный капитал во времена «перестройки» и в первые годы независимости. А большие деньги тогда делались почти всегда с грубым нарушением норм права или в лучшем случае в обход совсем не совершенного в те годы законодательства. Иными словами, весь наш крупный бизнес был нечист на руку. Нуждаясь в поддержке такого бизнеса, власть закрывала глаза на процессы в теневой экономике, поощряя тем самым коррупцию. Со своей стороны, и теневой бизнес нуждался в государственном покровительстве – для получения и сокрытия сверхприбылей и участия в приватизации бывших государственных предприятий на выгодных для себя условиях. Поскольку административная вертикаль подчинялась одному человеку – президенту, нувориши боролись за место в его окружении. Разумеется, ближе всего к президенту оказались самые богатые и сильные. В Украине это те, кто связан с энергетикой, с перераспределением импортных энергоресурсов, с приносящими валютную прибыль горнодобывающей, металлургической и металлообрабатывающей отраслями промышленности. Так, к середине 90-х утвердилось в Украине своеобразная, но отнюдь не уникальная, система власти – номенклатурно-олигархический режим. Подобные режимы с теми или иными отклонениями сложились и в большинстве других государств СНГ, существуют они во многих президентских республиках Латинской Америки и в ряде стран «третьего мира».

В годы развала советской экономики, когда производство ВВП снизилось более чем на 60 % по сравнению с 1990 годом, союз номенклатуры с олигархами имел и некоторое позитивное значение. Постоянно выходя за рамки правового поля и утаивая от налогообложения колоссальную часть своих доходов, теневой капитал все же заложил основы частной индустрии в Украине. Бывшие советские предприятия оказались в большинстве своем нерентабельными, и для того чтобы хотя бы часть из них могла сохраниться в условиях рыночной экономики, их нужно было срочно модернизировать. Для этого необходимы были мощные финансовые вливания. Иностранные инвесторы в Украину не спешили, и средства могли поступать (и поступали) в основном от тех, кто уже успел их приобрести путем «грабительского первичного накопления капитала» (так по Марксу). Кроме того, сложившиеся в это время мощные финансово-промышленные группы обеспечивали своей подпиткой какую-никакую работу госаппарата, взятками разлагая при этом государственных чиновников, втягивая их в систему тотальной коррупции.

Формироваться номенклатурно-олигархический режим начал с первых же лет независимости, еще при президенте Леониде Кравчуке (вспомним, к примеру, времена и. о. премьера

Ефима Звягильского), но окончательно он сложился уже при Кучме. В период своего первого президентского срока Кучма еще мог сдерживать олигархов, и роль номенклатуры в политической системе тогда еще была решающей. Первое серьезное столкновение президента с бизнес-группами из его ближайшего окружения произошло при премьерстве олигарха-чиновника Павла Лазаренко. Контролируя созданную им мощную корпорацию «Единые энергетические системы Украины» во главе с Юлией Тимошенко и целый ряд других бизнес-структур, Лазаренко позволил себе не делиться с государством и правящей верхушкой по тем правилам, которые были негласно установлены до него. Кучма возмутился и уволил Павла Ивановича с поста премьера. Против него (и Юлии Тимошенко) начали готовить уголовное дело – благо компромата было более чем достаточно. Лазаренко и Тимошенко создали свою партию «Громада» и ушли в оппозицию. Так у противников Кучмы и его режима появилась своя материальная база.

Но это было только начало. В момент переизбрания Кучмы на второй срок и так называемого референдума номенклатурно-олигархический режим достиг пика своих возможностей. Однако тут же стали проявляться и первые симптомы его упадка. По мере преодоления экономического кризиса, завершения процесса приватизации и постепенного выхода крупного капитала из тени (когда он перестает бояться карающего меча бюрократии), олигархии начинают нагнать и их требования к власти усиливаются. Возможности олигархов растут, а влияние бюрократов уменьшается, что вполне естественно для развития такой – весьма специфической – политической системы в условиях рыночной экономики. Возникает потребность в политической реформе, которую можно проводить в двух прямо противоположных направлениях. Первое из них – решительное укрепление вертикали президентской власти и укрощение наиболее строптивых олигархов, то есть создание полноценного авторитарного бюрократического режима. Именно такое направление выбрала сегодня Россия Владимира Путина. Второй путь – демократизация режима и переход к европейскому варианту парламентской или, на худой конец, парламентско-президентской республики. Очевидно, второй вариант намного перспективнее.

В 2000 году Леонид Кучма еще не созрел до понимания необходимости демократизации режима (да и где вы видели правителя, который отказывался бы от своих полномочий в начале нового срока правления?). Пытаясь стабилизировать начинающий распадаться режим, он предлагает провести перераспределение властных полномочий (надо сказать, логически непоследовательное) при помощи референдума. Когда это не помогает, он лихорадочно проводит кадровые перестановки, а затем фактически отдает бразды правления своему «серому кардиналу» – Виктору Медведчуку.

Чувствуя слабость бюрократии, олигархии при власти все более откровенно начинают фрондировать, проявляют самостоятельность в парламентских баталиях, а иногда даже открыто переходят на сторону оппозиции, укрепляя тем самым ее возможности. После парламентских выборов 2002 года олигархии в системе власти стали занимать решающие позиции. Четче всего это проявилось тогда, когда самый мощный в стране донецкий клан, контролирующий горнорудную и металлургическую отрасли, предложил на пост премьер-министра своего ставленника – донецкого губернатора Виктора Януковича. И хотя имидж этого кандидата на пост премьера (и на президентский пост) явно проигрывал имиджу любимца значительной части общества Виктора Ющенко, донецкий клан заставил Кучму согласиться на эту кандидатуру. И Кучма вынужден был на это пойти, несмотря на две уголовные судимости в биографии нового премьера. Не мог он не согласиться, ибо в это время номенклатурно-олигархический режим превратился в режим олигархически-номенклатурный. Так называемая «бизнес-элита» подчинила себе административный ресурс и заставила его работать на себя. Это была первая причина политического кризиса.

Нелегитимность власти

Выход из экономического кризиса сопровождался укреплением позиций не только крупного, но и среднего и даже малого бизнеса. За последние пять лет число людей, легально занимающихся бизнесом, увеличилось вдвое. Бюрократические рогаки мешают развитию всякого бизнеса, а от коррупции чиновников мелкий или средний бизнесмен страдает больше, чем крупный. Очень богатый человек даже заинтересован в коррупции, так как она позволяет при помощи денег решать проблемы там, где ему не хватает административной власти. Особенно важно то, что развивающийся малый и средний бизнес явно неадекватно представлен в системе власти, где доминирует крупный капитал. Средний бизнес стремился компенсировать этот недостаток, пытаясь прорваться в парламент, где хотел лоббировать свои интересы через партии оппозиции или через одномандатные округа. Поэтому в «Нашей Украине» влияние среднего бизнеса значительно, чем в других партиях. Депутаты-мажоритарии, представляющие средний или крупный бизнес, так сказать, «второго уровня», действовали в соответствии с политической конъюнктурой и на первых порах поддерживали партию власти. Но когда их возможности проходить по мажоритарной системе оказались под угрозой (при голосовании за пропорциональную систему выборов), они по одному, а то и группами стали перебегать на сторону оппозиции. Та их охотно приняла, в очередной раз поступившись принципами и проголосовав против пропорциональной системы выборов, за которую всегда ратовала.

У малого бизнеса шансов стать субъектом политической жизни намного меньше, чем у среднего и крупного, но, будучи относительно свободным от давления непосредственных начальников, он, как показывает история, более других социальных слоев восприимчив к критикующей власти пропаганде и скорее всех выявляет готовность к акциям протеста.

Как это ни кажется парадоксальным, но и значительная часть наемных работников стала политически активной не тогда, когда их жизненные условия были абсолютно невыносимыми, а в последние годы, когда жить стало немного лучше. На самом деле парадокса здесь нет: пока идет борьба за кусок хлеба, все мысли только о том, чтобы выжить, – когда появилась возможность намазать хлеб маслом, вспомнили о «не хлебом единым...»

Из людей, сумевших найти свое место в новой жизни, стал постепенно формироваться средний класс. Активнее стали выявлять свою собственную позицию и те, из кого этот средний класс обычно пополняет свои ряды, – студенчество вузов и колледжей. Причем это было уже не то поколение студентов, что устраивало акции протеста в 1990 году, и не бесцветное растерянное поколение молодежи середины и конца 90-х, которое еще плохо ориентировалось в непривычном социальном пространстве (из старого дома вышли, в новый еще не вошли). Теперь это была наиболее активная часть молодежи, выросшая и получившая образование уже в независимой Украине, осваивающая западные ценности и, в большинстве регионов Украины, уже забывшая о ценностях прошлого (в том числе, к сожалению, и о традициях русской культуры).

Власть будто и не замечала социальных перемен. **Несмотря на то что социальная роль среднего и малого бизнеса, а также квалифицированных наемных работников (то есть среднего класса) по мере развития украинской экономики существенно усиливалась, олигархическо-номенклатурный режим не позволял этому классу адекватно участвовать в политической жизни Украины.**

Хотя успехи экономики в последние годы были значительными, но за чертой бедности все еще оставались миллионы людей. Соответственно сохранялся и протестный потенциал «аутсайдеров». Во время последних выборов Януковичу удалось за счет ускоренной, явно предвыборной реализации социальных программ перетянуть на свою сторону часть пенсионеров. Но ослабил он этими действиями прежде всего коммунистов, которые во втором туре и так были его негласными союзниками. А протестанты, идущие за социалистами Мороза, вместе с ним

перешли в лагерь «оранжевых», обеспечив, как потом выяснилось, своим переходом победу Ющенко. Значительная часть «аутсайдеров» клюнула и на демагогические призывы откровенной популистки Юлии Тимошенко, играющей в Украине роль хорошо всем известной Эвиты Перон.

Предлагая «аутсайдерам» социальные проекты, Янукович не собирался представлять их интересы в политической жизни страны (он и не смог бы этого сделать, поскольку сам являлся ставленником олигархических кланов). А Тимошенко и Мороз обещали им свое политическое заступничество. Массы людей, выйдя из состояния апатии периода выживания, стали проявлять общественную заинтересованность, но реализовать ее в рамках существующей системы власти не могли, а независимых структур гражданского общества, через которые они могли бы влиять на партии, парламент, правительство, президента, по сути, нет. И эти люди стали искать место под «оранжевым» солнцем оппозиции. **Нарождающийся средний класс ушел в основном под знамена Виктора Ющенко, низшие слои общества предпочли Тимошенко и Мороза. А партиям власти не доверял никто.**

Критические настроения в обществе с улучшением экономической ситуации никак не ослабевали. Доверие людей к органам власти не увеличилось, а готовность к участию в политических акциях протеста за последние пять лет существенно выросла – с 39 % до 44 %. Причем за последнее время увеличилось число тех, кто готов не только на легитимные, но и на нелегитимные акции протеста (от бойкота до создания вооруженных формирований). Если в 1997 году лишь 22 % опрошенных социологами граждан согласны были участвовать в нелегитимных акциях протеста, то в 2004 году таких было уже 37 %.⁴

Получилось, что **сама власть стала нелегитимной**. Уровень общественного доверия к ней был настолько низким, что миллионы людей были готовы действовать против нее нелегально, то есть нарушая закон. В любом случае они не стеснялись повсеместно заявлять об этом вслух, зная, что окружающие их поймут и поддержат.

Оппозиции в значительной мере удалось канализировать общественное недовольство и получить ту социальную базу, на которую она справедливо могла рассчитывать во время президентских выборов. Здесь проявился основной парадокс «оранжевой революции»: ее **организаторы хотели лишь поменять политическую элиту, а участники массовых выступлений хотели радикальной смены всей системы политической власти**, часто сами этого не подозревая.

Отсутствие доверия к власти со стороны общества и олигархическая доминанта внутри самого режима и стали важнейшими факторами успеха «оранжевых». Легкой и праздничной атмосфера «революции» была потому, что власть нигде не рискнула прибегнуть к силе. Даже там, где у нее были на то законные права, – например, при защите правительственных зданий в Киеве. **Если бы Кучма использовал в этом случае силу, его действия были бы легальными, но не легитимными.**

Ни большая часть общества, ни западное общественное мнение, с которым он вынужден был считаться, никогда не признали бы такие его действия оправданными. Хотя технически они вполне могли быть успешными – пространство, занимаемое «оранжевыми», постоянно расширялось за счет все новых и новых людей, прежде всего потому, что его никто не ограничивал. Вполне возможно, что Кучма пошел бы на применение силы, если бы речь шла о продлении его личной власти. Но перед самым своим уходом основательно пачкать руки (возможно, кровью) ради человека, которого навязали ему донецкие олигархи, подорвавшие к тому же основы его собственной власти, – нет уж, увольте. И напрасно, на мой взгляд, кое-кто обвиняет Леонида Кучму в предательстве. Не было никакого предательства. Кучма действовал так, как только и мог он действовать в подобных обстоятельствах. Правда, объективно такое пове-

⁴ См.: Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін. К.: Інститут соціології НАНУ, 2004, с. 469–471.

дение Кучмы главным образом и **обеспечило победу Виктору Ющенко**, так что было бы справедливо, если бы новый президент вручил Леониду Даниловичу «орден оранжевой революции». Если, конечно, такой появится.

Цивилизационный разлом

Была и еще одна причина кризиса, о которой особый разговор. До сих пор речь шла об Украине как о целостном государственном и социальном образовании, но в реальности украинское государство существует вот уже более 13 лет, а единого социального пространства Украины (как и единой политической, а тем более гражданской украинской нации) пока еще нет. Что и подтвердили последние президентские выборы. Хотя во время этих выборов страна разделилась на две приблизительно равные по численности части, исторически сложилось так, что существуют даже не две, а три Украины.

Западная часть Украины – Галиция, Буковина и Закарпатье, частично Волынь – это, по существу, периферическая часть западноевропейской или западнохристианской цивилизации, о которой в свое время писали Артур Шпенглер, Николай Бердяев, Дж. Тойнби, а недавно Сэмюэль Хантингтон. Здесь не место спорить о том, идет ли в данном случае речь о двух цивилизациях – западноевропейской и евразийской – или же о подвидах одной и той же цивилизации – европейской (я склоняюсь ко второму варианту). Речь не идет и об их характеристике. Однако нельзя не признать, что линия разлома между ними проходит к востоку от Галиции, а значит, **Украина (по Хантингтону) является страной «цивилизационно расколотой», или, по крайней мере, «цивилизационно надтреснутой».** И трудно не согласиться с автором книги о войне цивилизаций в том, что «надтреснутые» государства, как правило, сталкиваются с проблемами сохранения единства страны.⁵ Если в прошлом такое единство в пределах не только Украины, но и всей советской империи поддерживалось всей мощью – идеологической, экономической и карательной – тоталитарного режима, то в независимой Украине конфликт между западными и восточными регионами не мог не проявиться. И он проявлялся. Достаточно четко во время президентских выборов 1991 и 1994 годов, а особенно выразительно во время последних выборов главы государства. За Виктора Януковича, противостоящего лидеру «Нашей Украины», проголосовали главным образом жители юго-востока страны, или так называемой русской Украины. Именно за эту часть Украины – Слобожанщину, Донбасс и Новороссию – спорили в 1917 году Центральная рада и российское Временное правительство, а Крым и вовсе был присоединен к Украине уже при Никите Хрущеве. Вряд ли есть хоть какой-то смысл воскрешать этот спор – сепаратизм Украине не просто не нужен, он опасен, но и игнорировать исторический опыт тоже нельзя. Тем более он время от времени сам напоминает о себе.

Галиция рассталась с «большой Украиной» еще в XII веке, и встретились они вновь лишь во времена Гражданской войны (ненадолго) и Второй мировой (навсегда). Австро-венгерское, а затем польское влияние на эти земли было весьма значительным, как и сохранившееся по сей день влияние Ватикана. А с Россией галичанам пришлось столкнуться только тогда, когда она пришла к ним в красноармейской шинели и принесла не только освобождение от нацизма, но и колхозы и жестокие массовые репрессии, о которых Галиция наверняка никогда не забудет. **Русский язык, русская культура для старшего поколения галичан – это язык и культура оккупанта.** Согласимся, что такой опыт общения с россиянами вряд ли можно назвать взаимообогащающим. На карте Гийома Левассера де Боплана времен Богдана Хмельницкого земли к северо-востоку от Глухова, Батурина и Полтавы входили в состав Великого княжества (царства) Московского. А южнее днепровских порогов начиналось Дикое поле, то есть ничья земля.⁶ Важнее, что и во времена Гетманщины нынешний юго-восток Украины находился не на ее автономной территории, а непосредственно в составе Российской империи. Важно это потому, что порядки здесь были общероссийские, а не украинские, что не могло существенным

⁵ См.: S.P. Huntington. The Clash of Civilizations and Remaking of World Order. N. Y.: Simon & Shuster, 1996)

⁶ См.: Гийом Левассер де Боплан. Опис України. К.: Наукова Думка, 1990)

образом не сказаться на ментальности и традициях местного населения. Достаточно, думаю, напомнить, что на Слобожанщине, в Донбассе, в Екатеринославской и Херсонской губерниях (то есть на территории, о которой идет речь) незадолго до революции 1917 года от 89 до 95 % сельскохозяйственных земель управлялись общинами, как и на большей части России. В то же время в соседних Полтавской и Киевской губерниях, а также на Правобережье Украины общинных земель было совсем мало – 5–7 %.⁷ Именно на востоке и юге Украины началась в XIX веке интенсивная урбанизация и индустриализация. Что касается русификаторской политики Петербурга, то она, несомненно, проводилась при помощи принудительных мер. Но в юго-восточных краях были свои особенности. Свою линию власть навязывала краю не только путем давления на украинский язык, но и путем превращения новых развивающихся городов, прежде всего Харькова и Одессы, в крупные университетские центры (Харьковский университет был основан в 1805 году, почти за 30 лет до основания университета в Киеве).

Большую часть жителей юго-восточной Украины с самого начала заселения этого края составляли украинцы. Поскольку в России и украинцы, и русские считались православными, их причисляли к великороссам или малороссам в зависимости от языка, который они считали родным. По всей Украине вчерашние крестьяне и их дети в больших городах довольно скоро переходили на язык правящей элиты – во Львове, например, на польский, а в центральной и восточной Украине – на русский. Дело, однако, заключается в том, что на юге и на востоке урбанизация и индустриализация после 1861 года были куда более интенсивными, чем в других частях Российской или Австро-Венгерской Украины.⁸ В результате русификация в юго-восточной Украине пустила наиболее глубокие корни, и **вот уже несколько поколений городских жителей этих областей считают своим родным языком русский язык**. И связи с Центральной Россией здесь теснее, чем где-либо еще.

Сегодня на юго-востоке находится около 80 % всего промышленного потенциала, и вклад его в общегосударственный бюджет самый большой. Урбанизация и индустриализация определяют здесь общий стиль жизни людей, существенно отличающийся от стиля жизни в западных и центральных регионах. В результате, как показывают социологические исследования, особой разницы в ценностной ориентации харьковчан или жителей Донбасса украинского и русского этнического происхождения практически нет. В то же время системы ценностей этнических украинцев того же Харькова и, допустим, Ивано-Франковска различаются весьма существенно.

Я так много уделяю внимания юго-востоку как раз потому, что проблема самоидентификации населения этого региона четко проявилась во время последних выборов. Что касается центральной части страны – Черниговщины, Полтавщины, Киевщины, Подолии и Волыни, то здесь мы также отмечаем некоторую разницу в ментальности жителей правобережной (польской) и левобережной (гетманщина) частей Украины, но она менее выражена, так как после разделов Жечи Посполитой все они жили приблизительно в одинаковых условиях российской, а затем советской империи. Если не считать самого Киева, то **урбанизация в центральных областях никогда не достигала восточноукраинского уровня, а потому и русификация в центре страны была недостаточно глубокой. Традиции самостоятельного землепользования (по сути, фермерские) всегда оставались здесь достаточно сильными**, несмотря на страшный искусственный голод 1933-го и последующие колхозные десятилетия. Киев был своего рода исключением. Город развивался очень быстро, прежде всего за счет крестьян. Но в отличие от царских времен, когда тон в городе задавала русскоязычная элита, в советские времена ситуация была несколько иной. **Управленческие кадры провинциальной советской номенклатуры набирались из вчерашних колхозников, которые не столько приспособлялись к традициям старого Киева, сколько пытались пере-**

⁷ См.: М. Порш. Статистика землевладіння і мобілізація земельної власності в Україні // Україна № 11–12 – 1907.)

⁸ См.: Енциклопедія українознавства. – Т. 5. Париж: Молоде життя, 1966)

строить жизнь в городе на свой вкус. О высокой украинской культуре речь не идет – наиболее талантливые ее представители преследовались. В конце концов в Киеве стал господствовать суржик, а в оформлении города, в том числе и архитектурном, стали четко прослеживаться примитивизм и безвкусица. Эти тенденции не только сохранились, но и приумножились в годы независимости, и памятником такому художественному невежеству стал Майдан Независимости, оформленный в соответствии со вкусами выходцев из села – киевского мэра Омельченко и президента Леонида Кучмы.

Начавшаяся еще накануне провозглашения независимости украинизация проводилась куда стремительней, чем русификация Украины в российско-советский период. Хотя разговорный русский язык еще доминирует в больших городах, а книжную и телевизионную продукцию на русском языке соответствующая украиноязычная продукция пока с рынка не вытеснила (качество все-таки отстает), можно констатировать: в сфере образования процесс украинизации зашел очень далеко.

Накануне провозглашения независимости число учеников русских и украинских школ в стране было приблизительно одинаковым (с небольшим перевесом в пользу русского языка). Уже через пять лет число школьников, получавших образование на русском языке, сократилось до 38 %. В 2001 году оно составило 26 %, а сейчас едва превышает 20 %. И это при том, что, по данным официальной переписи, 30 % всех украинских граждан считают своим родным языком русский (по данным последних социологических опросов – 36 %). С высшим образованием дела обстоят еще хуже. Если в советские времена высшее образование в Украине в основном получали на русском языке (и эта ситуация справедливо рассматривалось правозащитниками как дискриминационная по отношению к украиноязычным гражданам), то сейчас преподавание в вузах на большей части территории Украины ведется в основном по-украински, то есть **дискриминированными теперь являются носители русского языка, поскольку они в Украине не могут реализовать свой творческий потенциал на родном языке.**

С темой «оранжевой революции» проблема русского языка связана напрямую. Проанализировав процессы украинизации в различных регионах Украины, мы сможем убедиться: **в областях, поддержавших Януковича, уровень украинизации значительно ниже, чем в тех 17 регионах, которые большинство голосов отдали за Ющенко.** Еще три года назад в этих 17 регионах украинизация системы образования уже практически была завершена. На русском языке в школах училось лишь 3,5 % учеников, а в вузах – менее 1 % студентов. Даже в Киеве русских школ уже почти не было (осталось 7 из 436), как не было и вузов с обучением на русском языке. Город остается в основном (на 60–70 %) русскоязычным, но образования на русском языке молодежь уже не получает. Соответственно и связи с русской культурой у молодых киевлян довольно слабые. Неудивительно поэтому, что молодежь Киева в основном голосовала за Ющенко, которого активно поддерживали украинские националисты. Иное положение на юго-востоке. Здесь почти половина школьников все еще сохраняет возможность учиться на русском языке. И основные русскоязычные вузы тоже расположены именно в этой части Украины.⁹ То есть сельскохозяйственные регионы центра и запада, а также Киев к началу «оранжевой революции» уже были украинизированы, индустриальная же юго-восточная часть страны еще сохраняла свою русскоязычность, но уже ощущала, по-видимому, угрозу радикальной украинизации.

Таким образом, мы можем определить и **третий фактор, способствующий развитию политического кризиса. Это обостряющееся противостояние сельских районов**

⁹ См: Статистичний збірник: Загальноосвітні, позашкільні, дошкільні та професійно-технічні навчальні заклади. К.: ВВП «Компас», 2001; Статистичний бюлетень: Основні показники діяльності вищих навчальних закладів України..., К.: 2001, К.: 2002.

и малых городов западной и центральной Украины, с одной стороны, и индустриальных центров юго-востока страны – с другой. В одной части большинство составляют украиноязычные жители, в другой – те, кто говорит преимущественно по-русски и сохраняет во многом общие с россиянами культурные и духовные традиции.

Третий фактор, о котором идет речь, способствовал обострению политического кризиса, но вовсе не победе «оранжевых». Напротив, он существенно осложнил достижение этой победы, сделал ее возможной только потому, что на Ющенко работали первые два фактора, да еще четвертый (внешний), о котором речь впереди. Эти факторы дали ему преимущество, которое позволило «оранжевым» действовать не всегда законно, но всегда успешно. Тем не менее то, что третий фактор выявился в этот раз отчетливее, чем когда-либо ранее, на мой взгляд, – явление положительное. Миллионы жителей юго-востока до сих пор не привыкли связывать свое будущее с Украиной, с тем, что происходит в ее столице. Их внимание чаще всего было привлечено к событиям в Москве, а то, что происходило в Украине, их касалось лишь постольку поскольку. На первом этапе избирательной кампании они поддерживали Януковича пассивно, часто по приказу или даже за деньги. В ноябре – декабре они превратились в самостоятельных участников процесса. Они почувствовали, что их обидели, с их мнением не посчитались. **Многие жители восточных регионов стали теперь гражданами Украины и убедились в том, что их судьба решается в Киеве, а не в Москве**, и что в Киеве сильны националисты (те, кого они привыкли называть «петлюровцами» или «бандеровцами»), а это плохо для русскоязычных жителей индустриального Востока. Думаю, теперь эти люди захотят бороться за влияние на украинскую столицу. Поскольку левобережная бизнес-элита и вчерашние «партии власти» ради собственной выгоды отказались защищать интересы основной массы жителей юго-востока, можно предположить, что часть ставших активными граждан этого региона будет искать для себя перспективы вне рамок партийной жизни и приступит к формированию независимых структур гражданского общества. И это будет содействовать демократизации всей Украины.

Возможный выход из кризиса при помощи реформы

Я вставил этот раздел в статью об «оранжевой революции», потому что **конституционная реформа – хоть и незаконнорожденное, но все же дитя этой самой «революции»**. Еще раз напомним: законы о конституционных реформах были приняты (проект № 4180 окончательно, а проект № 3207-1 в первом чтении) в едином пакете с изменениями избирательного законодательства, без которых успех «оранжевой революции» вряд ли был бы возможен.

Эти две темы связаны между собой еще и потому, что при помощи политической реформы можно было бы преодолеть политический кризис в Украине безо всяких революций и чего-либо подобного. В то же время победа «оранжевых», если она не будет сопровождаться претворением в жизнь политической реформы, может кризис власти только усугубить.

Сразу оговорюсь, я понимаю под политической реформой не только трансформацию президентской республики в парламентско-президентскую, но и реформу местного самоуправления, административно-территориальную реформу с укреплением регионов и расширением их прав, реформу судебной системы. Начнем, однако, с той части реформы, которая уже утверждена парламентом, – с закона о конституционных изменениях № 4180. Закон этот явно несовершенен, однако и он позволил бы решить многие проблемы, порождающие кризис.

Обсудим с этой точки зрения первую и, возможно, главную причину нынешнего кризиса – наличие в Украине номенклатурно-олигархического режима с решающей ролью олигархов. Почему большинство крупнейших финансово-промышленных структур сгруппировались в 90-е годы именно вокруг президентской вертикали? Личные качества Леонида Кучмы здесь ни при чем, и события, последовавшие сразу же после «оранжевой революции», тому подтверждение. Не успел победить Ющенко, как его радикальные оппоненты из донецкого и днепропетровского кланов тут же бросились искать взаимопонимания с ним. Их заставляют это делать интересы бизнеса. Ведь по ныне действующей конституции президент назначает премьер-министра с согласия парламента, а снимать его может без такого согласия, чем Кучма и пользовался чуть ли не ежегодно. Глава правительства должен был понравиться прежде всего президенту, и партийная поддержка ему была не нужна. Оказывать давление на власть через партийные структуры бизнес-группам практически бессмысленно – партии реальной властью пока не располагают. А поэтому партии бизнесу не нужны. Ему надо, как уже сказано выше, пытаться приблизиться вплотную к самому президенту.

Без финансовой поддержки бизнес-элит партии захиреют, тем более что и на общественную поддержку они, не имея возможности влиять на формирование правительства, рассчитывать не могут. Получается, что особой заинтересованности в формировании сильных партий нет ни у кого. Потому и нет у нас сильных партий, представляющих интересы значительной части общества. Соответственно нет и многопартийной демократии, а другой формы демократии современный мир не знает.

Впрочем, формально зарегистрированных партий в стране множество. Реальной же общественной поддержкой располагали лишь политические структуры, возникшие еще до обретения страной независимости, – коммунисты и Народный Рух Украины. Со временем, однако, и эти две политические силы стали терять сторонников. Сначала ослабили позиции «Руха» (не случайно: ведь его основная цель – обретение страной независимости – уже достигнута), а на последних выборах «рухнули» и коммунисты (новые условия жизни требуют от левых новых решений, а советские, по существу, коммунисты оказались к ним не готовы).

Чтобы была заинтересованность вкладывать в партийное строительство силы и средства (причем немалые), партии должны иметь право и реальные шансы формировать исполнительную власть. Такое право и такие шансы дает политическая

реформа. Уже одного этого достаточно, для того чтобы оправдать переход к системе, при которой правительство формируется победившими на выборах партиями.

Президент в случае реализации полitreформы будет лишен возможности серьезно влиять на экономику страны и формирование единой вертикали власти, то есть не будет больше «президентского админресурса». Очевидно, у бизнес-элиты в этом случае исчезнет всякое желание «вертеться» вокруг главы государства, одаривать, покупать его самого и его ближайшее окружение. **Сохранение номенклатурно-олигархического режима при последовательном проведении политической реформы просто невозможно.**

Что касается второй из упомянутых выше причин кризиса (нелегитимность власти и отсутствие адекватного представительства среднего класса), то и эта проблема может быть решена при помощи политической реформы, но лишь частично. Конечно, крупный бизнес будет пытаться навязать свою волю партиям, в которые будет вкладывать средства. Но во-первых, **участвуя в работе разных партий, олигархи будут конкурировать друг с другом, а значит, единой олигархической системы не будет, и общее давление крупного капитала на средний класс уменьшится.** Во-вторых, стремясь к тому, чтобы его партия участвовала в формировании правительства, олигарх должен быть заинтересован в получении максимума голосов на парламентских выборах и, следовательно, должен постоянно учитывать интересы тех широких слоев общества, позицию которых партия взялась защищать. Кратковременные интересы олигархов хотя и не могут совсем не учитываться, но все же будут отодвинуты на второй план ради достижения стратегических целей партии. **Формирование любой партийной стратегии невозможно без активного участия представителей среднего класса, а левые партии не смогут рассчитывать на победу, не учитывая реальных интересов тех социальных слоев населения, чей уровень жизни ниже среднего.** Как свидетельствует опыт европейских стран, роль крупного капитала в партийных делах весьма значительна, но все же не решающая. Во всяком случае интеллектуалы, а не сами бизнесмены, как правило, представляют партии в европейских парламентах. В то же время нельзя не согласиться с теми западными политологами, которые полагают, что «быстрый переход к парламентаризму без одновременного принятия эффективных мер, направленных на повышение партийной дисциплины, может оказаться проблематичным».¹⁰ Учитывая это обстоятельство, следует, по-видимому, согласиться (как с временной мерой!) с той нормой закона № 4180, которая запрещает депутатам переходить из одной фракции в другую, хотя такая норма и противоречит традициям развитых демократических стран. Очевидно, что существует опасность внутрипартийного диктата со стороны партийных лидеров, и эту опасность нужно максимально ограничить, предоставив, например, региональным парторганизациям право самостоятельно выдвигать своих кандидатов в проходную часть предвыборных партийных списков. Очевидно также и то, что часть представителей среднего и относительно крупного бизнеса будет недовольна политической реформой, поскольку лишается права проходить в Верховную раду по мажоритарным округам. Но эти обстоятельства не должны затенять тот факт, что в целом роль среднего класса при переходе к парламентско-президентской республике существенно возрастет. И выиграет от этого все общество, потому что, по мнению многих социологов, парламентская система в принципе является более демократической, чем президентская. **«Не случайно большая часть стабильных демократических государств мира является парламентскими республиками**

¹⁰ См.: Скотт Мейнуоринг, Мэтью Шугарт, Хуан Линц. Президентизм и демократия: критический анализ// Ойкумена: Альманах. – Вып.1. – Харьков: Константа, 2003.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.